

Статьи. ИТАЛО-ЭФИОПСКАЯ ВОЙНА 1935 - 1936 ГОДОВ

Автор: А. Виноградов

Итало-эфиопской (иначе - абиссинской) войне посвящены многочисленные монографии, мемуары, статьи и кинофильмы. Мнения о ней весьма разнообразны, нередко - диаметрально противоположны, порой спорны. До сих пор не утихают дискуссии среди специалистов-историков, экспертов-международников, дипломатов и военных, журналистов. Со многими из таких материалов автору этих строк удалось досконально ознакомиться в ходе служебных командировок в Италию и Эфиопию 1989 - 1997 годов. Их изучение, а также записи личных бесед с очевидцами и участниками минувших событий позволили заново проанализировать комплекс причин, вызвавших ту войну и ее исход. Данная тема освещалась в вышедших еще в 30-е годы работах ряда видных специалистов. Позднее увидели свет новые солидные монографии, нередко впервые вводившие в научный оборот неизвестные источники¹.

Войне 1935 - 1936 гг. предшествовали обусловившие ее драматические события. Италия стала осуществлять колониальную экспансию позже ряда других европейских государств. Ее первые шаги на этом поприще восходили к 1880-м годам и имели четко выраженную направленность в сторону побережья Красного моря. В 1882 г. купленная судостроительно-пароходной компанией "Рубаттино" бухта Ассаб перешла в собственность итальянского правительства. В 1885г. итальянские войска оккупировали порт Массауа. Их соединила в 1890г. итальянская колония Эритрея. На первых порах Рим ограничился этим, так как его аппетиты пришлось умерить после разгрома эфиопами в январе 1887 г. при Догали как бы "невзначай" вторгшейся на абиссинскую территорию экспедиционной военной колонны. В 1888 г. на карте появилось составленное из двух бывших местных княжеств итальянское Сомали. В 1889г. итальянская дипломатия навязала негусу - императору Эфиопии Менелику II Договор о дружбе и торговле с пограничной конвенцией.

Спустя некоторое время Италия объявила об установлении своего протектората над Эфиопией, но уже с конца 1890г. ее притязания натолкнулись на активизировавшийся отпор эфиопского народа. Находившееся тогда у власти правительство Ф. Криспи, в прошлом одного из близких соратников Дж. Гарибальди и видного деятеля Рисорджименто, испытывало серьезные трудности вследствие мощного подъема рабоче-крестьянского движения и усиления позиций Итальянской социалистической партии. Стремясь разрядить обстановку, кабинет Криспи предпринял попытку предотвратить надвигающийся кризис колониальными захватами, удовлетворить банковские и промышленные монополии и сбить волну социальной

стр. 44

напряженности в стране поощрением итальянской эмиграции к обживанию новоприобретенных территорий.

Итальянские дипломаты, разведчики и военные энергично вмешались в разгоревшуюся тогда в Эфиопии патриархально-феодалную междоусобицу, натравливая друг на друга племенных вождей-расов. Летом 1895 г. инспирируемый Римом рас Мангаша, правитель провинции Тигре, поднял мятеж против своего сюзерена Менелика II, провозглашенного негусом в 1889 г. Губернатор Эритреи генерал О. Баратьери объявил об аннексии Тигре. Однако раскаявшийся Мангаша пошел на мировую с негусом и договорился с ним о совместных действиях по отражению агрессии. Негус, собрав воедино отряды подвластных ему расов, в декабре 1895г. нанес поражение итальянским войскам у Амба-Аладжи. Тем не менее, Криспи, не вняв предостережениям профессионалов из Генерального штаба, телеграфировал Баратьери директиву - возобновить наступление в глубь Эфиопии².

Бахвальство заразило и главнокомандующего. Получив подкрепления и уповая на военно-техническое превосходство (итальянские войска были в изобилии оснащены скорострельной горной и полевой артиллерией, пулеметами системы Максима и магазинными 6-тизарядными винтовками "Каркано"), он уверовал в близкую победу над нецивилизованными туземцами, но недооценил патриотизм эфиопов, их готовность к самопожертвованию и очевидные способности главного героя сражения при Адуа раса Маконнена. Этот кузен Менелика, отец будущего негуса Хайле Селассие I и губернатор Харара - самой богатой и густонаселенной провинции Эфиопии, предложил, имитируя ложное отступление, выманить

корпус Баратьери из укрепленной крепости и навязать ему сражение у подножья сильно пересеченного плато близ Адуа. Итальянские войска (итальянцев- 10 596, аскаров - вспомогательных подразделений из числа местного населения - 7 100), вследствие плохой рекогносцировки местности, не имея походного охранения, должного прикрытия флангов, тыла и спустившиеся в узкую длинную лощину, подверглись 1 марта 1896 г. с разных сторон внезапной массивной атаке главных сил абиссинцев (100000 пехотинцев, 8600 кавалеристов). Несмотря на ожесточенное сопротивление, итальянский корпус был почти уничтожен³.

"Колониальный Седан" поверг Италию в шоковое состояние и добил правительство Криспи. Его преемник маркиз А. ди Рудини уполномочил нового губернатора Эритреи генерала Бальдисерра начать мирные переговоры. Они завершились в октябре 1896г. подписанием мирного договора: Италия отказывалась от любых попыток установить протекторат над Эфиопией; прежнее, Вишальское соглашение 1889 г., аннулировалось; признавалась "абсолютная и безоговорочная независимость Абиссинской империи как суверенного и свободного государства". После этого до 1920-х годов Эфиопия была оставлена Италией почти в покое. Но приход к власти фашистов в октябре 1922 г. повлек за собой активизацию колониальной политики, придав ей еще более агрессивный характер, и уже в 1925 г. Муссолини взял "эфиопское направление" под личный контроль.

На первых порах официальный Рим рассчитывал поглотить Эфиопию мирным путем. В 1928 г. был заключен Договор о дружбе. Однако он не оправдал надежд Рима: Эфиопия ревностно оберегала суверенитет, пресекая в зародыше любые попытки его ущемления. Тогда на берегах Тибра сменили тактику и с осени 1932 г. начали форсировать тщательную подготовку к новой войне. Согласно плану будущей кампании, составленному Генеральным штабом под руководством его начальника П. Бадольи и утвержденному дуче в канун 1933 г., для достижения успеха предполагалось использовать внезапность нападения и геостратегическую выгоду таких плацдармов, как Эритрея и Сомали, лежащих с двух сторон от Эфиопии. Там стремительно возрастала численность местных гарнизонов, лихорадочными темпами строились укрепленные районы, аэродромы и базы снабжения, прокладывались железные дороги и автомобильные шоссе, реконструировались морские порты.

стр. 45

Последнему фактору придавалось особое значение: как раз на зафрахтованных торговых судах и транспортных кораблях итальянских военно-морских сил перевозились 95% грузов, доставлявшихся из метрополии. К осени 1935г. в Сомали и Эритрею уже было переправлено 30 тыс. лошадей и мулов, 6 500 автомашин, 3 млн. т оружия, боевой техники, военного снаряжения и материалов. Мобилизация поставила под ружье 800 тыс. итальянцев. Все это позволило нацелить на Эфиопию хорошо укомплектованную и первоклассно снабженную армию. А в боевых действиях на южном (сомалийском) и северном (эритрейском) фронтах участвовали 7 пехотных дивизий, усиленная альпийская дивизия, 6 дивизий "чернорубашечников" (фашистская милиция) и два армейских корпуса аскаров (включая дивизию, сформированную из ливийцев) общей численностью 15 000 офицеров и 402 580 унтер-офицеров и рядовых. Они имели на вооружении 800 орудий, 300 танков и 510 самолетов⁴.

Что могла противопоставить этому ударному кулаку Эфиопия? Эта страна, еще сохранявшая родимые пятна патриархально- родового строя, рабства и феодализма, не располагала ни значительным военно-промышленным потенциалом, ни регулярными вооруженными силами. Единственным, сравнительно боеспособным соединением, оснащенным европейским оружием, являлась элитарная императорская гвардия численностью 10 тыс. человек. В случае войны каждая провинция выставляла разномастные отряды под командованием губернатора, местного раса. Костяком разрозненных и этнически пестрых частей, насчитывавших к октябрю 1935 г. до 450 тыс. человек, являлась босоногая пехота, у неприспособленных бойцов которой, не имевших никакого представления о систематическом денежном, вещевом и котловом довольствии, нечасто встречались магазинные винтовки эпохи мировой войны. К ним присоединилось 600 тыс. всеобщего ополчения, у воинов которого почиталось большой удачей разжиться ружьем времен франко-прусской войны или русской берданкой тоже прошлого века.

На вооружении эфиопской армии имелось около 300 станковых и ручных пулеметов, до 200 устаревших полевых орудий и семь радиостанций; военной авиации не существовало; два десятка бронев автомобилей числились в автопарке гвардии; полсотни зениток не могли служить эффективной защитой против ВВС противника. Отсутствовали элементарные средства химической защиты, что потом сыграло роковую роль. Командный состав, особенно высший, мыслил примитивными понятиями и рутинными категориями, застыв на уровне впечатлений от побед 1890-х годов.

Вскоре итало-эфиопское противостояние вступило в более острую фазу. В декабре 1934 г. произошел вооруженный инцидент вблизи оазиса Уал-Уал на юго-востоке Эфиопии, у границы с Сомали. Этот спорный район, на который Италия издавна претендовала, захватила моторизованная часть колониальной милиции, стремительным наскоком отбросив малочисленную эфиопскую пограничную стражу. Однако спустя несколько дней свежие эфиопские подкрепления выбили итальянцев и вернули утраченную территорию. Тогда Муссолини, усмотрев в этом желанный предлог, приказал действовать решительно и без колебаний. В ход пошли артиллерия, танки, самолеты. Эфиопские войска понесли большие потери. Оккупированный Италией Уал-Уал остался за ней.

Но для дуче, помимо военного успеха, еще важнее оказалось достижение международного психологического эффекта. Ведь замедленно-вялая реакция полунлетаргической Лиги Наций, сподобившейся лишь через 9 месяцев после начала этих событий учредить "комитет 5-ти" в составе Великобритании, Франции, Испании, Турции и Польши для "рассмотрения эфиопской жалобы и общего изучения вопроса", убедила его в своевременности выбора момента для "радикального решения эфиопской проблемы". Рим заручился либо благожелательным нейтралитетом, либо дипломатической, а порой и материальной поддержкой почти всех крупнейших держав Запада. Недавно пришедший к власти в Германии А. Гитлер, будучи поглощен внутренними заботами, только начинал делать смелые шаги на международной арене и концентрировал свое внимание прежде всего на Европе.

стр. 46

Правда, его отношения с дуче оставались пока сдержанными: продолжал сказываться шок от первой, неудачной попытки аншлюсса Австрии в июле 1934г., сорвавшейся не в последнюю очередь вследствие жесткой антигерманской позиции Италии. "Римские соглашения" Лавалья - Муссолини, подписанные в январе 1935 г. по итогам визита в Италию министра иностранных дел Франции П. Лавалья и его переговоров с дуче, означали крупные уступки французам в Африке: итальянцы получили 20% акций важной в военно-стратегическом отношении железнодорожной магистрали Джибути - Аддис-Абеба, о-в Думейера, 800 кв. км территории на границе итальянской Эритреи (напротив Баб-эль-Мандебского пролива) и солидные приращения на южной границе Ливии, а также карт-бланш Парижа, предоставившего Муссолини свободу рук ради сохранения Италии в лоне западных демократий в противовес Берлину.

"Римские соглашения" без проволочек прошли ратификацию во французском парламенте: Лаваль представил их как крупный успех его дипломатии, а в феврале 1935 г., по итогам поездки в Лондон французского премьер-министра П. Фландена и Лавалья, они были одобрены британским правительством. В конфиденциальном письме британскому королю Георгу V министр иностранных дел Д. Саймон отмечал "не только желательность, но и настоятельную необходимость для Англии занять в итало-эфиопском конфликте такую позицию, которая ни в коем случае не окажет негативного воздействия на англо-итальянские отношения"⁵. Таким образом, политика попустительства агрессору и его "умиротворения" стала рельефно просматриваться уже с начала 1935 года. Она окрылила Муссолини, назначенного королевским декретом в январе того года еще и министром колоний, и нашла дальнейшее продолжение на международной конференции в г. Стреза (апрель 1935 г.), где приняли участие руководители Великобритании, Франции и Италии. Правда, дуче остался разочарован гибкостью британской позиции: кажущаяся податливость Лондона не обрела четко выраженного характера. Это обуславливалось опасениями влиятельной части английских правящих кругов и стоявших за их спиной колониальных монополий, усмотревших в притязаниях Италии на Эфиопию замаскированную угрозу их владениям в Африке и морским коммуникациям в Индийском океане. Британская дипломатия предложила компромисс: ставший министром без портфеля по делам Лиги Наций летом 1935 г. А. Иден, которого пронизательный Г. Гопкинс, правая рука и "второе я" президента США Ф. Д. Рузвельта, охарактеризовал как человека,

"лишенного прочного морального стержня"⁶, приехал в "вечный город" и привез такой вариант полюбовной сделки: Эфиопия уступает Италии провинцию Огаден в обмен на территориальную компенсацию частью британского Сомали. Однако Муссолини в категоричной форме отверг эту "жалкую и унижительную подачку", намекнув, что на меньшее, чем поглощение всей Эфиопии, Италия не согласится.

Такая манера поведения дуче, припершая Париж и Лондон к стене и не оставившая им шансов для маневрирования, базировалась, как отмечает итальянский историк, и "на массовой единодушной поддержке национального общественного мнения, включая даже скрытую оппозицию режиму, и на наличии тщательно и умело отлаженной и почти полностью подготовленной к крупномасштабным боевым действиям в африканских условиях сравнительно мощной и вполне современной военной машины". Диктатор не скупился на угрожающе-презрительные выражения в адрес потенциальных оппонентов и недоброжелателей. Напутствуя 6 июля 1935 г. в г. Эболи отправлявшееся в Эритрею подразделение чернорубашечников, он, сознательно стремясь эпатировать западноевропейское общественное мнение, заявил: "Мы плюем на всех негров настоящего, прошлого и будущего и на их возможных защитников". Убедившись в несговорчивости Муссолини, Лондон занял двусмысленную позицию: в ходе дебатов по внешней политике в палате общин 11 июля 1935 г. новый глава Форин оффиса С. Хор заявил, что "британское правительство, ранее всегда хорошо понимавшее стремление Италии к заморской экспансии, и теперь относится к нему

стр. 47

с таким же пониманием". Подчеркнув "законность и справедливость" некоторых обвинений Италии против Эфиопии, ее территориальных и политических требований к последней, он все же призвал дуче воздержаться от военных действий. Спустя две недели британский кабинет ввел временный запрет на выдачу лицензий по продаже оружия и боевой техники и Эфиопии, и Италии, и с 22 августа запрещение продлевалось вплоть "до исхода дальнейших переговоров"⁷.

Во многом схожей линии придерживались США. Там американский изоляционизм, пустив глубокие корни в общественном сознании, оказывал сильнейшее воздействие на внешнюю политику страны. 3 июля 1935 г. негус обратился к президенту Рузвельту с просьбой изучить пути и средства, необходимые для обеспечения соблюдения Парижского пакта Бриана - Келлога 1928 г. об отказе от войны как орудия национальной политики. Спустя два дня Белый дом отклонил эту просьбу, мотивируя отказ ссылкой на тот факт, что итало- эфиопский конфликт уже рассматривается Советом Лиги Наций. В 20-х числах августа конгресс США одобрил совместную резолюцию обеих палат о нейтралитете. 31 августа, подписанная Рузвельтом, она вступила в силу и стала именоваться Законом о нейтралитете: в случае возникновения войны между двумя другими государствами американский президент имел право наложить эмбарго на поставки вооружения и военного снаряжения в воюющие государства независимо от того, кто был агрессором и кто - его жертвой. К тому же этот закон не затрагивал торговлю стратегическими материалами; а впоследствии выяснилось, что заокеанские дельцы, усмотрев в итало-эфиопском конфликте верный шанс крупно нажиться, подверстали под расплывчатое понятие стратегических материалов все, сулившее выгоду.

Экспорт американской нефти в Италию возрос в 1935 г. на 140%, а в итальянскую Африку - в несколько десятков раз. В течение войны с октября 1935 г. по май 1936 г. продолжались, вопреки экономическим санкциям Лиги Наций, бесперебойные поставки из США на Апеннины грузовиков, стали, железного лома, никеля, каучука, хлопка и других "стратегических товаров". Позднее государственный секретарь К. Хэлл признавал: "Если бы были применены тотальные санкции, то Муссолини можно было бы сразу же остановить". Но Рузвельт, дороживший голосами многочисленной общины итальянских иммигрантов, традиционно симпатизировавших Демократической партии США, стремился поддерживать тогда с фашистским режимом дружеские отношения. В равной мере это устраивало Муссолини⁹.

Италия еще продолжала регулярно выплачивать взносы по задолженности Америке эпохи первой мировой войны. Кроме того, как это показал один из историков-международников С. Романо (посол Италии в СССР в 1985 - 1989 гг.), "многие эффективные и далеко идущие мероприятия фашизма в социальной сфере, успешно претворявшиеся в жизнь еще с конца 20-х - начала 30-х годов, послужили удачной и достойной подражания моделью для серии радикальных по тем временам рузвельтовских реформ в рамках его Нового

курса"¹⁰. Наличие унисона во взаимоотношениях Рим - Вашингтон подтверждает и такой многозначительный факт: 31 августа, в день вступления в силу Закона о нейтралитете, в официозе итальянского правительства появилась передовая статья, характерный стиль и неординарные выражения которой ни у кого не оставили сомнений относительно подлинной личности автора-инкогнито. Вот один из ее пассажей: "Коль скоро Эфиопия - пистолет, нацеленный в самое сердце Италии, то, не говоря уже об отсутствии в Абиссинии цивилизации и наличии там рабства, существуют два фундаментальных и абсолютно неоспоримых аргумента, побуждающих Италию приготовиться к решительным и безотлагательным действиям: жизненные потребности итальянского народа и его элементарная безопасность в Восточной Африке"¹⁰. Официальный Рим окончательно расставил точки над i.

Скажем о неоднозначной и противоречивой позиции руководства СССР. С одной стороны, она обуславливалась нежеланием И. В. Сталина

стр. 48

и его окружения портить без нужды отношения с Муссолини, так как в тот период разносторонние связи между двумя странами, особенно в экономической и даже военной областях, развивались по восходящей линии. Дополнительный импульс получил и политический диалог: вехой здесь стал Договор о дружбе, ненападении и нейтралитете, заключенный в Риме 2 сентября 1933 г, по итальянской инициативе и, несмотря на все последовавшие затем события, оставшийся в силе вплоть до 22 июня 1941 года. Недаром Сталин в докладе на XVII съезде ВКП(б) 26 января 1934 г. отмечал: "Фашизм, например, в Италии не помешал СССР установить наилучшие отношения с этой страной"¹¹. Уместно сослаться на мнение итальянского историка Д. Петракки: "Во-первых, в Москве большевистские лидеры никогда не забывали столь памятного и важного для них факта признания Советской России правительством Муссолини в начале февраля 1924 г., что автоматически сделало Италию второй, после Великобритании, державой Запада, пошедшей на такой разумный и дальновидный шаг; во-вторых, помимо заметной интенсификации взаимовыгодных и оживленных торгово-экономических отношений с СССР, своевременное и конструктивное предложение дуче в 1933 г. подписать с Советским Союзом Договор о дружбе и ненападении предоставляло ему хорошие возможности в определенной степени смягчить неблагоприятное впечатление от потерпевшей в конечном итоге неудачу его затеи с так называемым пактом четырех летом 1933 г., сведя почти на нет ее негативные для Италии последствия, и заодно - притупить в известной мере плохо замаскированную антиитальянскую направленность будущей "Балканской Антанты", чьи контуры уже тогда отчетливо вырисовывались и которая окончательно образовалась под покровительством Франции в феврале 1934 года"¹².

Пакт четырех, иначе Пакт согласия и сотрудничества между Англией, Францией, Германией и Италией, был подписан в Риме 15 июля 1933 г. Муссолини и послами названных государств. Первоначально итальянский проект пакта предусматривал возможность ревизии мирных договоров, составлявших часть Версальско-Вашингтонской системы 1919 - 1921 гг., признание равенства прав Германии в области вооружений, принятие аналогичного решения в отношении Австрии, Венгрии и Болгарии, проведение политики сотрудничества четырех держав во всех вопросах, включая колониальные, и оказание коллективного воздействия участников пакта на другие европейские страны. Фактически речь шла об установлении изолирующей СССР директории 4-х на европейском континенте, в которой Италии надлежало бы играть одну из руководящих ролей, выступая в качестве посредника, балансирующего с выгодой для себя между остальными участниками. Вследствие оппозиции Франции и ее союзников (Польша, Чехословакия, Югославия, Румыния) и сдержанного отношения Великобритании, Риму пришлось согласиться на французский вариант пакта, выхолостивший первоначальный проект. Но даже в урезанном виде он вызывал недовольство Парижа и Лондона и остался не ратифицированным, что огорчило Муссолини, ибо подорвало его амбициозные планы. А Балканская Антанта - это военно-политическая группировка в составе Югославии, Румынии, Греции и Турции, созданная под эгидой Франции в феврале 1934 года.

Но, с другой стороны, что касается принципов пролетарского интернационализма и необходимости продемонстрировать солидарность "первого в мире социалистического государства рабочих и крестьян" с колониальными и угнетенными народами, то они побуждали хозяина Кремля, убежденного и

прагматичного поклонника маккиавеллизма, выступить с осуждением итальянских акций против Эфиопии. 5 сентября 1935 г. нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов на заседании Совета Лиги Наций констатировал, что "налицо несомненная угроза войны, угроза агрессии, которую не только не отрицает, а, наоборот, подтверждает сам представитель Италии. Можем ли мы пройти мимо этой угрозы?". Совету Лиги Наций следовало бы как можно скорее "не останавливаться ни перед какими усилиями и средствами, чтобы предотвратить вооруженный конфликт между двумя членами Лиги".

стр. 49

Советское правительство в настойчивой форме призывало к установлению коллективного единства действий против агрессора, что могло бы явиться "вернейшим средством ликвидировать конфликт, возникший на почве стремления к колониальной экспансии, грозящей территориальной целостности и национальной независимости одного из членов Лиги Наций"¹³.

СССР, ссылаясь на общепринятые нормы международного права, энергично добивался неукоснительного выполнения всеми членами Лиги Наций их обязательств, вытекающих из Устава Лиги, и строгого соблюдения Устава. Советский представитель безоговорочно поддержал принятое Ассамблеей Лиги Наций 11 октября 1935 г. 50-ю голосами против четырех решение о применении экономических санкций против Италии. В декабре 1935 г. именно СССР был первым среди ряда других нефтедобывающих государств (Нидерланды, Румыния, Ирак), кто дал согласие на запрет нефтяных поставок на Апеннины. Поскольку на эту "четверку" приходилось тогда свыше 75% итальянского импорта нефти, то подобный шаг, будь он без проволочек претворен в жизнь, мог бы возыметь солидный эффект. Но подавляющее большинство призывов, исходивших из Москвы, повисало в воздухе.

В отчаянных попытках не дать себя спровоцировать и не предоставить Италии повод для превентивного нападения, негус распорядился об отводе эфиопских войск от границ на 30 км и проинформировал об этом Совет Лиги Наций еще в сентябре 1935 года. Однако закусивший удила Муссолини произнес 2 октября в Риме воинственную речь, заявив: "Эфиопия и ее заморские покровители хотят совершить в отношении Италии неслыханную, вопиющую несправедливость, лишив ее законного места под солнцем и неприкрыто угрожая ей. Мы долго сносили такую махровую антиитальянскую позицию негуса, но теперь наглому шантажу, грязным вымогательствам и подлым угрозам пришел конец. Терпение итальянского народа лопнуло! Никто и ничто нас не остановит! Пусть Эфиопия трепещет - она будет мгновенно и безжалостно раздавлена!"¹⁴. В ночь на 3 октября после сильных воздушных налетов на города Адуа, Адиграт, Гондар и столицу Аддис-Абебу итальянская армия вторглась в Эфиопию и начала боевые действия.

Наступление развернулось по трем направлениям: с севера, от Эритреи, откуда под командованием маршала Э. Де Боно наносился главный удар силами трех армейских корпусов в составе 10 дивизий, нацеленных на Дессие и Аддис-Абебу; с юга, из Итальянского Сомали, где под началом генерала Р. Грациани действовали две опергруппы, по две дивизии в каждой, продвигавшиеся на Харар и имевшие задачу отвлекающим маневром оттянуть на себя как можно больше эфиопских войск; в центре, из района Ассаба мимо Французского Сомали, - одна дивизия и приданные ей вспомогательные части аскаров, призванные, пересекая пустыню Данакиль, содействовать захвату Дессие и выступавшие как связующее звено между северным и южным фронтами. Широко и массированно применяя авиацию, танки, моторизованную пехоту и парашютные десанты, итальянцы с первых дней сделали ставку на скоротечную маневренную войну и вскоре добились успехов: в первой половине октября на севере пали Адуа и Аксум. Но затем темпы продвижения замедлились. Осторожный Де Боно решил вплотную заняться тщательным обустройством тыла на оккупированной территории и не был склонен форсировать дальнейшее наступление. Он ссылался на возросший отпор противника. Важнее было другое, что быстро уловил Де Боно как старый, многоопытный вояка, поднаторевший в колониальных баталиях и сражавшийся в Африке еще во время итало-турецкой войны 1911 - 1912 гг.: итальянские войска начали все чаще проваливаться; их атаки, не достигая конечной цели, били в пустоту, так как неуловимые эфиопы растворялись в джунглях и бесследно исчезали.

Негус четко сориентировал своих военачальников на севере, расов Сейюма и Гуксу, на уклонение от фронтальных и решительных сражений и заманивание захватчиков в глубь страны, гибкое сочетание тактики активной и подвижной обороны с расширившимся партизанским движени-

стр. 50

ем. Горно-лесистый ландшафт местности подходил для такого вида борьбы как нельзя лучше. Свой замысел, понятный каждому рядовому эфиопскому солдату, негус, проявивший очевидные военные способности, унаследованные от его отца, раса Маконнена, изложил кратко и выразительно: "Будьте хитры, сражайтесь с врагом один против одного, двое против двух, пятеро против пятерых, но только не массой. Прячьтесь, внезапно наносите удар из засады. Ведите партизанскую войну в тылу противника, нападайте на него постоянно, не давая ему передышки" ¹⁵. Италия наскочила на достойного соперника, сумевшего сплотить свой народ и поднять его на героическое сопротивление при явном неравенстве сил. Хайле Селассие I был незаурядной, во многом трагической фигурой, одаренным политиком и тонким дипломатом. Верный сын своего класса, он сумел частично преодолеть закоснелые предрассудки полуфеодальной, полуплеменной среды, осознать необходимость скорейшей модернизации Эфиопии и многое сделал для достижения этого. Убедительный и яркий, без сусальной ретуши и банальных прикрас портрет негуса нарисовал итальянский историк А. Дель Бока: "Во все времена, и в дни побед и триумфа, и в лихую годину поражений и изгнания. Хайле Селассие неизменно оставался самим собой - доблестным и отважным воином, мудрым правителем, истинным рыцарем, подлинным господином, Господином с Большой Буквы" ¹⁶. Таков был этот "лев из колена Иудина", якобы прямой потомок легендарной библейской царицы Савской, на чьи плечи легло тяжкое бремя верховного руководства Эфиопией в самый грозный момент ее истории.

Тем временем на южном фронте группировка Грациани продвигалась вперед, а эфиопские войска отступали. Умный и знающий военачальник, Грациани сумел несколько раз перехитрить своих непосредственных противников, расов Насибу и Деста. Любопытную характеристику Грациани приводит современный итальянский военный историк А. Кова: "Прирожденный отличный организатор и недюжинный тактик, он обладал сильной волей, широким кругозором и оригинальным, нестандартным мышлением, был уважаем и популярен в армии. Но одновременно прослыл завистливым, тщеславным интриганом с непомерными амбициями, всегда мечтавшим во что бы то ни стало самоутвердиться на любом новом посту и занять достойное место в высших сферах политической власти. Навязчивая идея как можно больше и везде насолить своему "смертельному другу" Бадольо владела им всю жизнь" ¹⁷. На северном фронте медлительная и выжидательная тактика Де Боно, его топтанье на месте вызывали сильное недовольство Муссолини. Дуче, снедаемый лихорадочным воинственным пылом, жаждавший немедленных и впечатляющих побед и грезивший военными лаврами нового Гая Юлия Цезаря, хотел поразить весь мир. Но у него присутствовал и трезвый расчет: молниеносный и тотальный разгром Эфиопии с быстрой ее оккупацией, не дав опомниться недоброжелателям Италии, поставил бы мировое общественное мнение перед свершившимся фактом, пресекая в зародыше возможные контрмеры.

Действовали и весомые экономические соображения. Переведенная на автаркичный режим самообеспечения, Италия переживала в канун войны немалые трудности, находясь в депрессии. За 1929 - 1934 гг. ее экспорт снизился с 14,9 млрд. лир до 5,2 млрд.; численность официально зарегистрированных безработных возросла с 462 тыс. до 1 158 тыс.; 94% фабрично-заводских рабочих трудились по сокращенному графику. Переданные ведущим частным и государственным монополиям крупные военные заказы обеспечили теперь оживление промышленности, а наплыв в войска добровольцев позволил рассосать безработицу. Италия рассчитывала также пожить в Эфиопии ее богатыми природными ресурсами (нефть, уголь, золото, платина), рассматривала ее и как обширный рынок сбыта, выгодную сферу приложения и ввоза капитала. На эти ключевые факторы без устали напирала официальная фашистская пропаганда, денно и нощно подчеркивая обоснованную логичность захвата Эфиопии, что поможет эффективно и безболезненно разрешить экономические и политические трудности Италии, в значительной мере

стр. 51

порожденные "нечестной и нелояльной торговой конкуренцией японцев, тайной и поспешной скупкой наиболее перспективных шахт и нефтескважин англичанами и французами, продажей оружия и отправкой военных советников и инструкторов Гитлером и т. д." ¹⁹ .

Вот почему потерявший разбег и утративший боевой наступательный дух Де Боно, получив нагоняй, был в ноябре отрешен от должности. Его заменил на посту командующего войсками фронта маршал Бадольо, тогдашний начальник Генерального штаба, ставший по совместительству верховным главнокомандующим итальянскими вооруженными силами в Африке. Узнав эту новость, темпераментный и вспыльчивый Грациани долго не мог прийти в себя и истощил свой запас хлестких словечек казарменного жаргона. Он сам лелеял надежду занять это место, не говоря уже о том, что совершенно не терпел Бадольо, платившего ему той же монетой. Король Виктор-Эммануил III, прекрасно осведомленный об этой антипатии двух генералов, охотно утвердил назначение Бадольо, которого он помнил и ценил еще по первой мировой войне и кандидатуру которого предложил сам дуче. Смещенный Де Боно, уязвленный до глубины души, пытался всем жаловаться и оправдывался, напоирая на свои былые заслуги перед фашистским режимом: дескать, Бадольо явился уже на готовенькое и теперь только воспользуется результатами чужих трудов. Де Боно был сенатором, бессменным и старейшим членом Большого фашистского совета, членом квадрумвирата - руководящего органа фашистского движения в канун "похода на Рим" в октябре 1922 г. и захвата власти в Италии (наряду с Ч.-М. де Векки, И. Бальбо и М. Бьянки). Он являлся также многолетним командующим чернорубашечниками. Однако стенания старого служаки, "фашиста первого часа" и единственного члена Большого фашистского совета, сохранившего уникальную привилегию публично обращаться к Муссолини на "ты", остались втуне.

Следует отдать должное Бадольо: неприязнь к Грациани и нелады с Де Боно не помешали ему реалистически оценивать проделанное ими ранее. По прибытии в Эфиопию он досконально изучил обстановку и, найдя ее серьезной, срочно запросил свежих подкреплений, мотивируя это настоятельной необходимостью всесторонне подготовить генеральное наступление, призванное решить исход войны. Помощь из метрополии, и в значительных масштабах, не заставила себя ждать: на северный фронт были дополнительно направлены три дивизии вкуче с большим количеством боевой техники, оружия и снаряжения; столько же получил Грациани. Но не сидело сложа руки и эфиопское командование, подтягивая на север резервы: в ноябре рас Сейюм пополнил свою армию 40 тысячами солдат раса Касса; в декабре у Макалла сосредоточилась 80-тысячная армия раса Мулугета; к Аксуму вышла 30-тысячная группировка раса Имру. Обе стороны, внимательно следя друг за другом, накапливали силы для решающих боев и выжидали благоприятного момента. А пока что молниеносная война дуче постепенно превращалась в сидячую.

Временная стабилизация фронта и наступившее относительное затишье сильно обеспокоили Муссолини. Его тревога в связи с ускользающей победой усугублялась международными осложнениями для Италии. Впрочем, фашизм их вовсе не переоценивал. 7 октября 1935 г. Совет Лиги Наций признал Италию агрессором. Это автоматически обязывало каждого члена Лиги применить против нее санкции, предусмотренные ст. 16 Устава Лиги. 10 октября сессия Ассамблеи Лиги, одоббив решение Совета, учредила Координационный комитет для разработки санкций. Созданный последним Малый координационный комитет (Комитет 18-ти) подготовил конкретные рекомендации. Их суть сводилась к тому, что все члены Лиги должны были: наложить эмбарго на экспорт оружия и военного снаряжения в Италию, не предоставлять ей займов и кредитов, прекратить импорт итальянских товаров, ввести запрет на некоторые виды экспорта (преимущественно на вывоз второстепенных видов сырья), оказывать друг другу поддержку в осуществлении санкций.

Правда, репрессалии имели ограниченный характер, а о военных сан-

Великобритании и Франции и по-овечьи покорному им большинству в Лиге Наций для успокоения возмущенного общественного мнения. Осознание отсутствия действительной угрозы для Италии подкреплялось благожелательной позицией США, которую не могли игнорировать ни Париж, ни Лондон. В дополнение к декларации госдепартамента о нейтралитете от 4 октября, извещавшей о запрете на продажу вооружения и боевой техники как Италии, так и Эфиопии, 30 октября Рузвельт возвестил о введении морального эмбарго на поставки в Италию стратегических материалов. 15 ноября государственный секретарь Хэлл призвал установить моральное эмбарго специально на экспорт нефти на Апеннины. Последнее оказалось рассчитанным на широкую публику жестом в сторону Лиги Наций, так как еще 6 ноября Комитет 18-ти одобрил решение включить нефть и нефтепродукты в добавочный список запрещенных к ввозу в Италию видов промышленного сырья. 18 ноября данное решение Совета Лиги обрело официальную силу, но так и не было по-настоящему реализовано.

Спустя два года Муссолини в доверительной беседе с Гитлером констатировал, что "если бы были перекрыты каналы нефтяного снабжения, ему пришлось бы прекратить войну в Восточной Африке в течение одной недели". Действительно, проблема морских коммуникаций приобрела тогда для Италии первостепенное значение. 76% итальянского импорта шли по морю, в том числе 62% - через Гибралтарский пролив, 3% - через Суэцкий канал, 11% - из стран Средиземного и Черного морей²⁰. Это означало, что Лондон, имея он твердое намерение применить санкции Лиги Наций на деле, мог бы быстро парализовать систему связей итальянской метрополии с ее колониями, перерезав пути сообщения целенаправленными действиями своего военно-морского флота, базировавшегося в Александрии и Гибралтаре. Но поскольку такого желания не наблюдалось и в помине, то, дабы спасти лицо и как-то оправдаться, в ход был пущен усердно муссировавшийся британской прессой тезис о морской слабости Великобритании именно в Средиземноморье. По утверждению первого лорда Адмиралтейства адмирала Фишера, "зияющие лакуны в противовоздушной и противоводочной обороне нашего флота в Средиземноморском бассейне вынудили нас радикально пересмотреть всю нашу тактику и стратегию в данной зоне, ибо английский флот почти во всех отношениях не отвечал новым, возросшим требованиям противостояния с итальянскими ВМС; следовательно, Великобритания оказывалась не в состоянии успешно вести войну даже против одной Италии"²¹.

Фишеру вторили начальники главных штабов британских сухопутных сил и ВВС: "В войне на суше, особенно без посторонней помощи, мы можем быть значительно истощены, а посылка авиации с островов и вероятные ее потери нанесут ощутимый урон силам ПВО метрополии, что, несомненно, вконец расстроит уже начавшиеся и идущие полным ходом приготовления для достижения военно-воздушного паритета с Германией к апрелю 1937 года". Ссылаясь на эти доводы, английское правительство сохраняло Суэцкий канал открытым для беспрепятственного прохода итальянских судов в течение всей войны. Такая примиренческая, страусиная политика обеспечила дуче свободу рук. Идеи, хорошо знакомый с закулисными нюансами и скрытыми пружинами тогдашних англо-итальянских отношений, впоследствии с горечью признавал: "Мы превратили Муссолини в значительную силу". Но даже неискушенного дилетанта простое сопоставление размеров совокупного тоннажа британских и итальянских ВМС убеждало в искусственности приведенных аргументов Лондона: осенью и зимой 1935 г. 800 тыс. т водоизмещения одной лишь британской средиземноморской эскадры противостояли 500 тыс. т всего итальянского военного флота²².

Адмирал Д. Каннингхэм, командир британского морского соединения в Александрии, позднее говорил: "Такие суровые меры, как закрытие

стр. 53

Суэцкого канала, могли действительно привести к войне с Италией, но наш Средиземноморский флот имел высокие боевые качества и недюжинную эффективность и ни на йоту не сомневался в успешном исходе возможной борьбы с итальянским флотом". Однако до столкновения дело так и не дошло, ибо британский правящий класс, в подавляющем большинстве симпатизировавший режиму Муссолини, настроился против даже минимально победоносной войны с Италией: ведь в правительственных канцеляриях на берегах Темзы и в лондонском Сити ее рассматривали как возможного будущего союзника. Это отмечал и такой многолетний восторженный почитатель дуче, как У. С. Черчилль: "Муссолини никогда не посмел бы

схватиться с решительно действующим английским правительством; ведь против него был почти весь мир. Следовательно, ему пришлось бы рисковать своим режимом, вступая в единоборство с Англией. Но, в конечном счете, Муссолини удался его великолепно разыгранный блеф" ²³ .

Последние события 1935 г. явились наглядным тому подтверждением. 9 декабря в Париже Лаваль и Хор подписали выработанное в атмосфере глубокой секретности соглашение о "мирном урегулировании итало-эфиопского конфликта". Этот документ состоял из двух частей. В первой, названной "Обмен территориями", предусматривалось присоединение к африканским колониям Италии всех эфиопских земель, захваченных по итогам боевых действий к декабрю: провинции Эфиопии предлагалась выкроенная из Южной Эритреи узкая полоса с выходом к морю в районе Ассаба, которую лондонский официоз окрестил "просто коридором для верблюдов". Во второй части, озаглавленной "Зона экономической экспансии и колонизации", речь шла о предоставлении Италии почти исключительных торгово-экономических и финансовых прав и привилегий на остальной территории Эфиопии, пока еще сохранявшей подобие суверенитета, но превращаемой тем самым в зависимую от Италии полуколонию. Однако на этот раз умиротворители просчитались: их проект, как они полагали, устраивавший Муссолини, отвергли и в Риме, и в Аддис-Абебе. Оказавшись мертворожденным детищем, он так и остался на бумаге. Сенсационные же сведения о нем, просочившиеся в печать, породили большой шум. Негодование прогрессивной британской и французской общественности было столь велико, что Хору вследствие вспыхнувшего скандала пришлось уйти в отставку, а правительство Лавалья едва удержалось при вынесении ему вотума доверия в Национальном собрании.

Правящие круги Великобритании и Франции, задетые неуступчивостью дуче (тот безапелляционно заявил: "Я не хочу никаких соглашений, пока мне не дадут всего, включая голову негуса на золотом блюде" ²⁴) и стремясь сделать его более сговорчивым, решили разыграть карту нефтяных санкций. В соответствии с упомянутым решением Совета Лиги Наций, в середине декабря 10 государств-экспортеров нефти объявили о готовности применить их в полном объеме (в первую очередь СССР, Румыния, Нидерланды и Ирак). Однако Лаваль с молчаливого благословения Лондона в конфиденциальном послании заверил римского диктатора, что вовсе не следует "излишне драматизировать по поводу поддержки Францией и Англией такого антиитальянского - чисто внешне - шага Лиги Наций, носившей сугубо официальный характер и выраженной исключительно для отвода глаз и надлежащего успокоения изрядно взбудораженного общественного мнения внутри наших стран и в Европе в целом". "Кроме того, - многозначительно заметил глава французского кабинета, - мы совсем не хотим ссориться с США, имеющими здесь, как Вам хорошо известно, свою особую позицию" ²⁵ .

Насчет особой позиции, описанной выше, Лаваль не ошибся: едва в женевской штаб-квартире Лиги Наций началось дебаты относительно введения нефтяных репрессалий, как американский посол в Риме Б. Лонг направил такую телеграмму в госдепартамент: "Если в Женеве будет принято нелепое решение о применении санкций, то я искренне надеюсь, что американское правительство не присоединится к ним. В противном случае это неизбежно вызовет тяжелые последствия у нас в Штатах и совершенно

стр. 54

ненужные осложнения здесь". Реакция государственного секретаря была мгновенной: он поручил американскому посланнику в Швейцарии уведомить членов Лиги Наций, что "США, принципиально не одобряя скоропалительных решений, чреватых нанесением ощутимого ущерба нормальным экономическим взаимоотношениям между Америкой и Европой, будут следовать своему курсу самостоятельно, неукоснительно соблюдая Закон о нейтралитете" ²⁶ . В конечном итоге громкоголосая кампания в поддержку нефтяных санкций, вылившись в высокопарные словопрения, оказалась холостым выстрелом.

И все же последний месяц 1935 г. неожиданно преподнес Муссолини сюрприз, испортивший ему рождественские праздники. 15 декабря объединенные эфиопские армии под командованием расов Имру и Айелу внезапно атаковали правый фланг итальянских войск в районе Аксума и почти смяли его. Понеся большие потери, несколько отборных дивизий попали в окружение. Спустя две недели соединения расов Касса и Сейюма перешли в наступление в провинции Тембиен и тоже добились успеха. Противнику

пришлось оставить г. Абби-Адди с прилегающей зоной. Лишь Бадольо сумел проявить себя и выправил положение, оценивавшееся многими специалистами в Военном министерстве Рима и в Генеральных штабах Германии, Великобритании и Франции как критическое. Маршал быстро перегруппировал силы и, заткнув образовавшиеся прорывы и бреши, сумел осуществить планомерный отход. Систематически контратакуя наступавшие эфиопские войска, он эффективно применял массированные налеты бомбардировщиков и выброску воздушных десантов. Бадольо "не был военным светочем, он не фон Мольтке и даже не Китченер, а просто один из действительно немногих итальянских генералов, хорошо, до тонкостей знавший свое ремесло, и ему удалось с максимальной отдачей пустить в дело все столь щедро выделенные ему лично Муссолини крупные и разнообразные средства и ресурсы"²⁷.

Не последнюю роль сыграли удушающие газы, использование которых санкционировал дуче в нарушение подписанного Италией и запрещавшего их применение Женевского протокола 1925 года. Впоследствии итальянские власти неизменно отрицали на протяжении почти 60 лет факт этого нарушения. Недавно обнаруженный в анналах итальянского МИДа конфиденциальный меморандум настоятельно рекомендовал хранить дело в строжайшей тайне. Лишь пару с лишним лет назад Министерство обороны Италии официально подтвердило факт применения газов, хотя и "в относительно ограниченных количествах". Это заявление в правительственном офицозе сделал начальник Военно- исторического отдела Главного штаба сухопутных войск генерал А. Ровиги. С аналогичным сообщением спустя несколько дней выступил в парламенте тогдашний заместитель министра обороны К. М. Санторо. Согласно утверждениям этих лиц, ссылавшихся на рассекреченные источники Центрального государственного архива республики - материалы бывшего Министерства по делам Итальянской Африки и Военного министерства, позиции эфиопских войск периодически обстреливались снарядами калибра 105 мм, начиненными удушающими и нервно-парализующими газами, преимущественно ипритом, со второй половины декабря 1935 г., а армейские тылы и мирные селения подвергались идентичной бомбежке в декабре 1935 г. - марте 1936 года. Всего тогда было сброшено около 2500 содержащих иприт бомб, в большинстве полутонных²⁸. Это привело к большим потерям среди военнослужащих и гражданского населения Эфиопии и вызвало сильную панику, так как, помимо фактора внезапности, морально-психологическое воздействие газов усугублялось почти полным отсутствием у эфиопов элементарных средств химической защиты.

Но не один иприт позволил Бадольо и Грациани спасти лицо и, переломив наметившуюся неблагоприятную тенденцию, изменить ситуацию в свою пользу, хотя именно мощные газовые атаки обусловили успех итальянских войск в затяжном сражении у Амба-Арадам конца февраля- начала марта 1936 г., ознаменовавшем начало генерального контрнаступления итальянской армии. Затем последовала печально

стр. 55

знаменитая "мясорубка" у Май-Чеу возле оз. Ашанги 31 марта - 4 апреля, когда негус в безнадежной попытке прорвать кольцо окружения лично бросил во фронтальную атаку последний резерв - императорскую гвардию. Она попала под убийственный прицельно-перекрестный огонь артиллерии и пулеметов противника, окопавшегося на господствовавших над местностью высотах. А газовые авиабомбы довершили разгром измотанных эфиопских войск, ввергнутых в шоковое состояние. Не оправившись после двух поражений, эфиопская армия вскоре перестала существовать как единое целое, хотя ее отдельные части и подразделения продолжали героически сопротивляться до конца лета 1936 года. Хайле Селассие I пришлось покинуть страну еще в апреле 1936г., назначив своим наместником и главнокомандующим раса Имру.

США, Великобритания и Франция безучастно взирали на страдания эфиопского народа, хотя с трибун женеvского Дворца наций в пользу жертвы агрессии нередко звучали прочувственные и высокопарные речи о понимании бедственного положения Эфиопии. Страстный призыв негуса 26 апреля насчет срочной помощи его стране, истекавшей кровью, но не покорившейся, обращенный к членам Совета Лиги Наций, был выслушан с равнодушием. Практически с конца зимы 1936 г. существовала некая джентльменская договоренность трех западных держав относительно того, чтобы спокойно принять финальный акт эфиопской трагедии как почти свершившийся факт, который вовсе не стоит излишне драматизировать. Особенно "отличились" американские правящие круги. В феврале 1936г. истек срок действия Закона о

нейтралитете, и 29 февраля Рузвельт подписал предложенный изоляционистским большинством Конгресса новый закон. Он содержал важные дополнения: прежнее эмбарго на экспорт вооружения и военных материалов отныне распространялось не только на воюющие государства, но и на "вмешавшиеся в конфликт" страны, что означало американский запрет на военные поставки во все государства, поддержавшие санкции против Италии при сохранявшемся табу на предоставление долгосрочных займов находившимся в состоянии войны сторонам; разрешалось зато открывать краткосрочные кредиты.

Недалек был от истины заместитель государственного секретаря США С. Уэллес, с горечью признавший, что "роль официальной Америки в войне Италии против Абиссинии оказалась на поверку не более завидной, чем неприглядная роль Хора и Лавала". А в Лондоне даже перещеголяли заокеанского партнера: как только итальянская армия без боя вступила 5 мая 1936 г. в Аддис-Абебу, начальники главных штабов сухопутных войск, ВВС и ВМС потребовали у собственного правительства "полной и немедленной отмены нелепых и злополучных санкций", заявив, что "Англия должна пожать руку, протянутую синьором Муссолини"²⁹. Королевским декретом Виктора-Эммануила III Эфиопия (Абиссиния) была присоединена к Италии и провозглашена империей.

...Италия, Рим, 9 мая 1936 г., вечер. Огромная и шумная, пестро одетая толпа, до отказа заполнившая пространство на площади Венеции и прилегавших улицах в центре столицы, перед дворцом Венеции - тогдашней официальной резиденцией главы правительства, притихла. Взоры собравшихся устремились на балкон дворца, обрамленный свисавшими по бокам национальными флагами. Там появился среднего роста, крепко сбитый, дородно-осанистый мужчина в черном мундире с золотыми погонами и офицерской портупеей, в черной фуражке с красным кантом и большим одноглавым орлом вместо кокарды. Привычно выпятив вперед давно знакомую миллионам итальянцев массивную нижнюю челюсть, что придало его лицу самодовольное и надменно-упрямое выражение, он в знак приветствия резко выбросил вверх правую руку. Над площадью пронесся восторженный гул, толпа зааплодировала, подалась вперед. Мужчина, выждав паузу, подошел к микрофонам и, картинно подбоченившись, звучным и высоким, хорошо поставленным голосом оратора, привыкшего покорять аудиторию, заговорил: "Солдаты, моряки и летчики! Чернорубашечники революции и леги-

стр. 56

онов! Мужчины и женщины Итальянского королевства! Слушайте и радуйтесь! Спустя 15 веков великая Римская империя возродилась на фатальных и нетленных холмах Рима! Мы воссоздали "римский мир" в XX веке! Истина заключается в простом, окончательном и необратимом факте:

Эфиопия отныне и навсегда принадлежит Италии, вновь ставшей тем, чем она была во времена Юлия Цезаря, Октавиана Августа и Вергилия. Наши доблестные незабвенные герои, павшие в неравной, жестокой схватке с коварным врагом в далеком 1896 г., теперь наконец-то отмщены сполна!". Этими выпенными словами диктатор и премьер-министр Бенито Муссолини возвестил о победоносном окончании итало-эфиопской войны 1935 - 1936 годов. А на площади в бурном экстазе ликовавшие люди, скандируя: "Да здравствует дуче, да здравствует король!", обнимались и целовались, плакали и смеялись. Отцы и матери поднимали вверх детей, чтобы те смогли увидеть "человека, ниспосланного Провидением", того, кто "во имя немеркнувшей славы и величия фашистской родины подготовил и выиграл, блистательно руководя ею, самую крупную в истории человечества колониальную войну". Последние слова принадлежали тогдашнему главе государства, королю Виктору-Эммануилу III, удостоившему своего премьера высшей воинской награды - звания кавалера: обладателя ленты через плечо, военного ордена Савойя и присвоившему "дорогому кузену" (как и самому себе, новоиспеченному императору Эфиопии вместо эфиопского негуса) специально учрежденный по такому поводу повод титул Первого маршала империи.

Что в итоге выиграл фашистский режим? Действительно ли столь ощутимы были полученные им дивиденды, как об этом денно и ночью трубила правительственная печать Италии? Объективный анализ свежих источников и материалов, отчасти отраженный в недавно опубликованных монографиях ряда историков, позволяет сделать вывод о некотором, как это ни покажется странным, равновесии плюсов и минусов. В целом итало-эфиопскую войну можно охарактеризовать как последнюю колониальную

завоевательную войну XX в., ибо все остальные войны велись лишь ради удержания ранее покоренных земель. Эта война, если не говорить о незначительных людских потерях личного состава итальянских вооруженных сил и гражданского персонала (2313 павших в боях и умерших от ран военнослужащих, 453 вольнонаемных рабочих, 1593 убитых туземца из аскарских частей), обошлась Италии весьма дорого. Только прямые военные расходы, согласно официальным и заниженным данным отчетного доклада министерства финансов Италии за 1936г., составили 12,111 млрд. лир. Ближе к истине свежая цифра - 40 млрд. лир, что было вдвое больше доходных статей государственного бюджета³⁰.

В последующие пять лет пришлось раскошелиться и на содержание повсюду разбросанных гарнизонов и укрепрайонов в Эфиопии, так как активное партизанское движение стало там повседневной реальностью. Лопнул и дутый миф о "сказочной стране", "подлинном рае", "земле обетованной" для переселенцев из Италии, об "истинном итальянском Эльдорадо", еще не освоенном, "девственно нетронутым и богатым", к которому надо лишь приложить энергию, хватку, ум, способности и волю. На первых порах бывшие через край эйфория и иллюзии распирали многих. По компетентному мнению американского профессора эфиопского происхождения Хайле Ларебо, "Муссолини, ко всему прочему, загорелся химерической идеей переманить в Эфиопию еще и итальянских иммигрантов из США с их уже приобретенными в Америке промышленными знаниями и навыками и сельскохозяйственным опытом, которые пришлось бы там, как он считал, более чем кстати, и настойчиво пытался претворить ее в жизнь". В мае 1936 г. Бадольо во всеулышание заявил, что "не будет преувеличением говорить о миллионе колонистов в течение года". К концу лета 1936 г. итальянский министр колоний А. Лессона утверждал о "наличии объективных весомых предпосылок и самых благоприятных возможностей для обустройства в короткий срок процветающей жизни для 6 млн. человек, то есть для более одного млн. семей, расселенных в 50 000 оазисов"³¹.

стр. 57

Действительная картина выглядела совсем по-другому: если в 1936 г. итальянских работников наемного труда насчитывалось в Эфиопии 126 тыс. - меньше, чем общая численность оккупационных войск, бизнесменов и госслужащих колониальной администрации, то в 1939 г. их количество уменьшилось до 23 тысяч. Накануне вступления Италии во вторую мировую войну в Эфиопии постоянно проживали 300 тыс. итальянцев, из которых немногим более 100 тыс. - военнослужащие, а остальные - это семьи, обжившиеся на пригодных для обработки плодородных землях, сведенных в четыре губернаторства³². В конечном итоге имперские грезы оказались миражем. Наконец, экономическое освоение Эфиопии шло лихорадочно, бессистемно и хаотично. Оно сопровождалось крупными издержками для народного хозяйства Италии. Широко разрекламированное планомерное и органичное использование природных богатств осталось на бумаге. Громадные суммы тратились на прокладку автострад и железных дорог (что, правда, окупало себя впоследствии) и на строительство европейских кварталов в главных городах. Было создано немного промышленных предприятий, преимущественно в горнодобывающей и обрабатывающей промышленности, но и они носили случайный и разрозненный характер. Больше всех от такой непродуманной политики пострадал итальянский Юг, лишившийся первоначально предназначенных для него, а потом перекачанных в Эфиопию правительственных субсидий. Это еще сильнее усугубило его вековую, ставшую нарицательной экономическую, общественно-политическую и культурную отсталость и способствовало дальнейшему росту разрыва между Северной и Южной Италией.

Уже в 1938 г. итальянский импорт из Эфиопии достигал лишь немногим более 2% общего объема, в то время как государственные расходы на ее содержание в 10 раз превысили весь размер товарооборота с ней. Утроба Эфиопской империи, проглотившая промышленных товаров из Италии на сумму свыше двух млрд. лир, что в стоимостном выражении означало 20-кратное удорожание экспортированного на Апеннины сырья, уже начинала реально угрожать как бы экономическим поглощением метрополии. Сюда добавились непредвиденные политические осложнения, заявившие о себе далеко не сразу. Казалось бы, что внешне фашизм, опираясь на массовый национальный консенсус, консолидировал свои позиции и достиг благодаря победному завершению войны с Эфиопией апогея власти и популярности именно в те годы. Да, война в Эфиопии породила в Италии беспрецедентный взрыв махрового шовинизма и воинствующего колониального милитаризма. Он охватил все без исключения слои тогдашнего итальянского общества,

включая пролетариат, и даже таких антифашистски настроенных деятелей, как Б. Кроче, А. Лабриола и В.-Э. Орландо, которые выразили свою солидарность с "решительными и в высшей мере патриотичными" действиями правительства. Кроме того, Муссолини, дав новый толчок пресловутой политике невмешательства западных держав, поощрил, в частности, гитлеровскую Германию к активизации ее агрессивных шагов. Именно тогда началось форсированное сближение двух родственных тоталитарных режимов, стала складываться "ось Берлин-Рим"³³.

Опьяненный успехом в Эфиопии, дуче ввязался и в гражданскую войну на стороне Ф. Франко в Испании, где не раз терпел унизительные военные неудачи, повлекшие за собой подспудную эрозию его диктатуры. Ее кризис обнажился уже в ходе бесславной кампании против Франции и позорного фиаско в Греции (1940 - 1941 годы). Конечно, имелись и солидные положительные аспекты, которые ради объективности нельзя обходить молчанием. К числу таких плюсов следует отнести создание широкой сети автодорог, связавших столицу и центральные районы Эфиопии с самыми глухими углами окраинных провинций. Только за 1936 - 1938 гг. 60 тыс. итальянских рабочих в тяжелых климатических условиях построили 3280 км дорог с твердым покрытием, а общая протяженность новых дорог составила 7570 километров. Далее. Колонизация создала стартовые предпосылки для глубинной трансформации эфиопской экономики, ранее сугубо аграрной, в аграрно-индустриальную и позволила ей выйти на мировой рынок вскоре

стр. 58

после окончания второй мировой войны. Именно итальянцы стояли у истоков возникшего в Эфиопии потребительского общества, еще рыхлого, зачаточного и не до конца сформировавшегося. Они же явились крестными отцами местной пищевкусовой и горнодобывающей промышленности.

Самое главное состоит в том, что пятилетняя оккупация Эфиопии не только сильно подорвала ранее непререкаемый престиж и фактически бесконтрольную власть племенных вождей-расов, но и нанесла ощутимый удар закосневшей в вековых отсталости и невежестве родоплеменной и феодально-аристократической верхушке, упорно саботировавшей исподтишка все реформы Хайле Селассие I. Вскоре эта верхушка навсегда утратила свою господствующую роль и уникальный статус национальной политической элиты. Данный существенный и долговременный фактор содействовал дальнейшей модернизации страны и во многом "обеспечил жизнеспособность и устойчивость экономической и политической стратегии эфиопского руководства вплоть до 1970-х годов"³⁴.

Примечания

1. ЛИСОВСКИЙ П. А. Абиссинская авантюра итальянского фашизма. М.-Л. 1936; ЛЕВИН И. Д. Современная Абиссиния: социальные сдвиги и политические реформы. М.-Л. 1936; КОПСУН Н. Г. Итало-абиссинская война 1935 - 1936гг. М. 1939; ТАТАРЧЕНКО Е. Воздушные Силы в итало-абиссинской войне. М. 1940; КСИЛАНДЕР Р. Завоевание Абиссинии в 1935 - 1936 гг. М. 1941; ВОБЛИКОВ Д. Р. Эфиопия в борьбе за сохранение независимости, 1860 - 1960гг. М. 1961; БАРТНИЦКИЙ А., МАНТЕЛЬНЕЧКО И. История Эфиопии. М. 1976; ЯГЪЯ В. С. Эфиопия в новейшее время. М. 1978; DUPREY A. De l'invasion a la liberacion de l'Ethiopie. Vol. 1. P. 1955; GREENFIELD R. Ethiopia: A New Political History. Lnd. 1965; DEL BOCA A. La guerra d'Abissinia: 1935 - 1941. R. 1965; GALLO M. L'Affaire d'Ethiopie aux origines de la guerre mondiale. P. 1967; BARKER A. The Civilizing Mission: The Italo-Ethiopian War 1935 - 1936. Lnd. 1968; ROCHAT G. Militari e politic; nella preparazione della campagna d'Etiopia: studio e document; 1932 - 1936. Milano. 1971; DE FELICE R. Mussolini il Duce. Pt. II, vol. 5. R. 1980 - 1981; GILBERT M. Second World War. Lnd. 1989; MACK-SMITH D. Le guerre del duce, R. 1992; LIDDELL-HART B. History of the Second World War. N. Y. 1993; DEAKIN F. W. The Brutal Friendship: Mussolini, Hitler and the Fall of Italian Fascism. Lnd. 1994; DEL BOCA A. II Negus: vita e morte dell'ultimo Re dei Re. R. 1995.
2. DEL BOCA A. I gas di Mussolini - il fascismo e la guerra d'Etiopia. R. 1996, p. 5; SPINOSA A. Vittorio Emanuele III. R. 1990, p. 133.
3. CROCE B. Storia d'Italia dal 1871 al 1915. Ban. 1962, p. 211 - 212; Adua. R. 1997, p. 13, 17; Corriere della Sera, 4.III.1996; Monde, 10 - 11.III.1996.

4. DEL BOCA A. *II Negus*, p. 19; ejusd. *I gas*, p. 43; 49; ROCHAT G. *Op. cit.*, p. 21; MACK-SMITH D. *Op. cit.*, p. 37.
5. LIDDELL-HART B. *Op. cit.*, p. 15.
6. GALLO M. *Op. cit.*, p. 88; JUTTLE D. W. *Harry L. Hopkins and Anglo-American-Soviet Relations, 1941 - 1945*. N. Y. 1983, p. 58.
7. DE FELICE R. *Op. cit.*, p. 10; GOLINO E. *Parola di Duce - il linguaggio totalitario del fascismo*. R. 1994, p. 53; *Times*, 12.VII.1935.
8. ROMANO S. *Lo scambio ineguale: Italia e Stati Uniti da Wilson a Clinton*. R. 1995, p. 78; *The Memoirs of Cordell Hull*. Vol. 1. N. Y. 1948, p. 471; DAMIANI C. *Mussolini e Stati Uniti, 1922 - 1935*. R. 1981, p. 265.
9. ROMANO S. *Op. cit.*, p. 135.
10. *Popolo d'Italia*, 31.VIII.1935.
11. XVII съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М. 1934, с. 13 - 14.
12. PETRACCHI G. *Da San Pietroburgo a Mosca: la diplomazia italiana in Russia, 1861 - 1941*. R. 1993, p. 337.
13. *Документы внешней политики СССР*. Т. 18. М. 1973, с. 494, 496; *Внешняя политика СССР. Сб. док-ов*. Т. IV. М. 1946, с. 65.
14. *Popolo d'Italia*, 3.X.1935.
15. КОПСУН Н. Г. *Ук. соч.*, с. 64.
16. DEL BOCA A. *II Negus*, p. 53.
17. COVA A. *Graziani: un generale per il regime*. S. I. 1987, p. 245.

стр. 59

-
18. *Messaggero*, 10.V.1976.
  19. ROCHAT G. *Op. cit.*, p. 79.
  20. SCHMIDT P. *Hitler's Interpreter*. Lnd. 1951, p. 97; GIBBS N. H. *Grand Strategy*. Vol. 1. Lnd. 1976, p. 193.
  21. QUARTARARO R. *Imperial Defence in the Mediterranean on the Eve of the Ethiopian Crisis (July-October 1935)*. - *Historical Journal*, Cambridge, 1977, vol. 20, N 1, p. 190,
  22. GIBBS N. H. *Op. cit.*, p. 190 - 191; EDEN A. *Memoirs: Facing the Dictators*. Boston. 1962, p. 350; GILBERT M. *Op. cit.*, p. 13.
  23. CUNNINGHAM D. A. *Sailor's Odyssey*. Lnd. 1951, p. 122; HOWARD M. *The Continental Commitment*. Lnd. 1972, p. 103; CHURCHILL W. *Memoirs of the Second World War*. Cambridge (Mass). 1959, p. 79.
  24. DEL BOCA A. *I gas*, p. 337.
  25. GALLO M. *Op. cit.*, p. 229.
  26. *Foreign Relations of the United States, Diplomatic Papers - 1935*. Vol. 1. Washington. 1951, p. 836; DALLEK R. F. D. *Roosevelt and American Foreign Policy, 1932 - 1945*. Oxford. 1979 - 1981, p. 53.
  27. CIUNI P. *L'Italia di Badoglio: 8 settembre 1943 - 5 giugno 1944*. In: *Storia del Regno del Sud*. R. 1993, p. 117.
  28. *Messaggero*, 1.XI.1995; *Corriere della Sera*, 12.VIII.1995.
  29. WELLES S. *The Time for Decision*. N. Y. - Lnd. 1944, p. 57; HANKEY R. S. *Man of Secrets*. Vol. 3. Lnd. 1974, p. 240.

30. Messaggero, 10.V.1976; ROCHAT G. Op. cit., p. 253; DEL BOCA A. I gas, p. 343.

31. HAILE LAREBO. La costruzione dell'Imperio, la politica agricola italiana e la sua attuazione in Etiopia dal 1935 al 1941. Oxford. 1995, p. 53, 78 - 80.

32. DEL BOCA A. I gas, p. 365, 377.

33. HAILE LAREBO. Op. cit., p. 117.

34. DEL BOCA A. I gas, p. 373.

стр. 60